

УДК 902.2«637»(574.3)

В.Г. Ломан

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

КАРАТУГАЙ – МОГИЛЬНИК ФИНАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ*

В статье дается характеристика материалов саргаринско-алексеевского могильника Каратугай, расположенного в 90 км к северу от г. Караганда (Центральный Казахстан). В состав сопроводительного инвентаря исследованных погребальных сооружений входили керамические сосуды, металлические украшения, а также костяные трубочки для наконсника. На северо-западной периферии памятника располагалась ритуальная площадка в виде кольца из камней, рядом с которой найдены лопатка мелкого рогатого скота, каменные сегментовидные орудия и дисковидная каменная подвеска (?). Автор разделяет погребальные памятники саргаринско-алексеевской культуры на бегазинский и саргаринский типы и относит могильник Каратугай к последнему. Материалы могильника находят многочисленные аналогии в погребальных памятниках финала эпохи бронзы и перехода к раннему железному веку на всей территории степной Евразии, что объясняется не только эпохальными процессами, но и культурным взаимодействием с ирменской культурой юга Западной Сибири. По костям из двух погребений получены калиброванные радиоуглеродные даты, в соответствии с которыми время существования памятника относится к XI–X вв. до н.э.

Ключевые слова: Казахстан, могильник, саргаринско-алексеевская культура, ирменская культура, финал эпохи бронзы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-10

Введение

Многолетние исследования саргаринско-алексеевских памятников затронули в основном поселения, погребальных же комплексов изучено еще явно недостаточно для полноты реконструкции всей культуры. Археологической экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова были проведены раскопки могильника Каратугай, находящегося в 90 км к северу от г. Караганды, в 3 км к западу от озера Караколь (рис. 1). Погребения могильника расположены компактной группой у юго-восточного подножия горы Окуле, на небольшом всхолмлении, вытянутом в широтном направлении. Рядом с памятником действует несколько родников, вдоль русла которых произрастают кустарники и рощи лиственных деревьев. Статья вводит в научный оборот результаты исследований памятника.

Материалы и методы

Несколькими раскопами общей площадью 759,75 кв. м были вскрыты 11 погребальных сооружений и ритуальная площадка (рис. 1). Десять погребений относятся к финалу эпохи бронзы и одно (сооружение №12, безынвентарное) – к средневековью.

Сооружение №1 (рис. 2.-1) имело в плане форму кольца из крупных камней, заполненного внутри камнями меньшего размера. Внешние размеры кольца – 2,5×2,25 м. В центре находилась грунтовая могила, заполненная камнями вперемешку с землей и имевшая в плане прямоугольную форму, размерами 1,43×1 м, в разрезе – котловидную, сужающуюся ко дну, глубиной от уровня материка 0,75 м. Длинной осью могильная яма была ориентирована по линии Ю–С. В могиле обнаружено погребение подростка 11–13 лет**, лежавшего на правом боку в скорченном положении, головой на

* Работа выполнена по гранту МОН РК №AP05131861 «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)».

** Антропологические определения сделаны к.и.н. К.Н. Солодовниковым, с.н.с. сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера СО РАН.

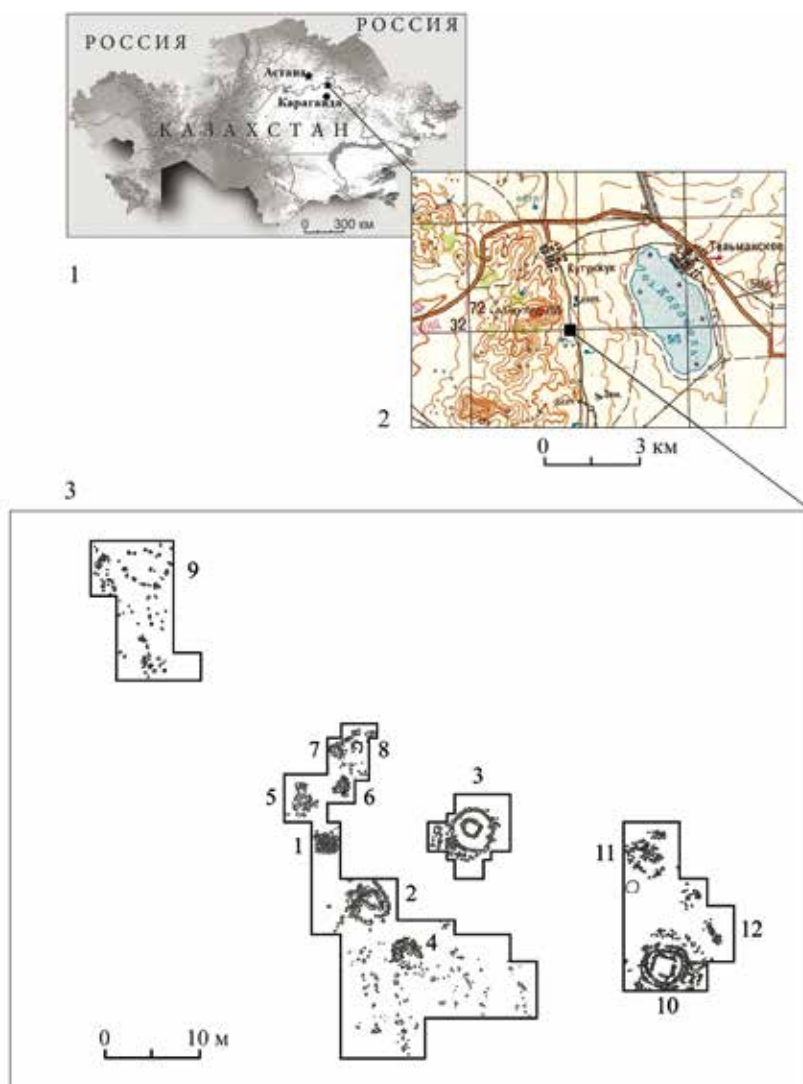

Рис. 1. Могильник Каратугай: 1, 2 – местоположение; 3 – общий план раскопок

юг (рис. 2.-2). Грудная клетка и тазовые кости были развернуты задней частью кверху, плечо правой руки, согнутой в локте кистью вперед, находилось под туловищем, левая рука была вывернута локтем наружу, а кистью – к животу. Правая нога располагалась бедром под прямым углом к туловищу, пальцы стопы касались северной стенки могилы. Левая нога была поднята кверху, голень вплотную прижата к бедру. Кости кистей рук и левой стопы отсутствовали, хотя по могиле были разбросаны отдельные фаланги пальцев. Над головой погребенного стояло два глиняных сосуда (рис. 2.-3,4).

Сооружение №2 (рис. 3.-1) представляло собой двойную каменную ограду округлой формы в плане. К настоящему времени оказались разрушены северная часть внешнего кольца ограды (диаметр 4,25 м) и южная часть внутреннего (диаметр 2,75 м). Во внутреннем кольце находилась грунтовая могила (рис. 3.-2), ориентированная длинной

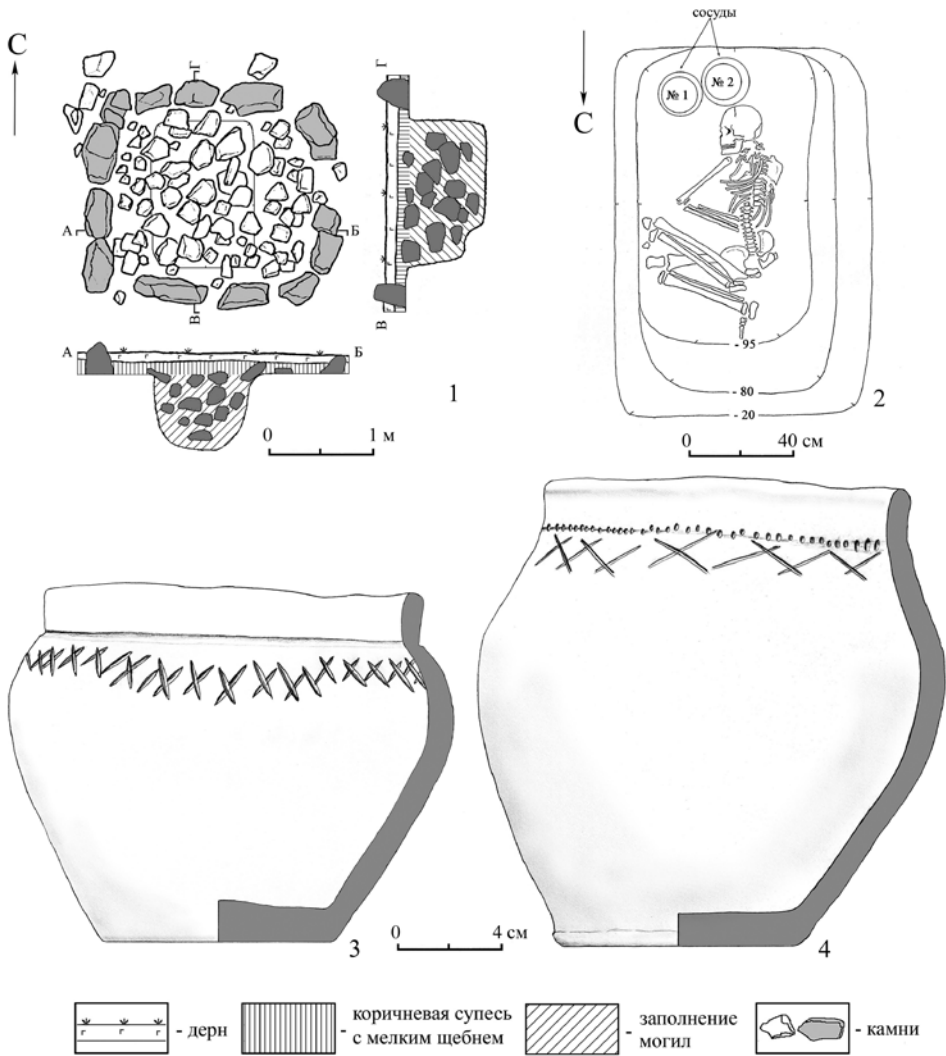

Рис. 2. Сооружение №1: 1 – план и разрез; 2 – могила; 3 – сосуд №1; 4 – сосуд №2

осью по линии ЮВ–СЗ и имевшая форму в плане, близкую к прямоугольной (размеры 1,9×1,5 м). Южная часть могильной ямы плавно понижалась ко дну (глубина от уровня материка 0,7 м). В заполнении могилы встречались отдельные человеческие кости, позвонки и фаланги пальцев. В южном конце ямы обнаружен развал глиняной банки с желобком в верхней части (рис. 3.-3) и несколько мелких неорнаментированных фрагментов от другого сосуда, древесные угольки, отдельные кости и обломки черепа без нижней челюсти, принадлежавшие женщине возмужалого возраста (20–30 лет) европеоидного типа. Под черепом найдена обойма трапециевидной формы, свернутая из тонкой бронзовой* пластины (рис. 3.-4). Такая же обойма (рис. 3.-5) найдена в центре могилы.

* Металлические изделия были изучены с помощью портативного рентгенофлуоресцентного анализатора INNON–X α 400. Режим съемки – рг.ап (аналитик И.А. Блинов, м.н.с. Института минералогии УрО РАН).

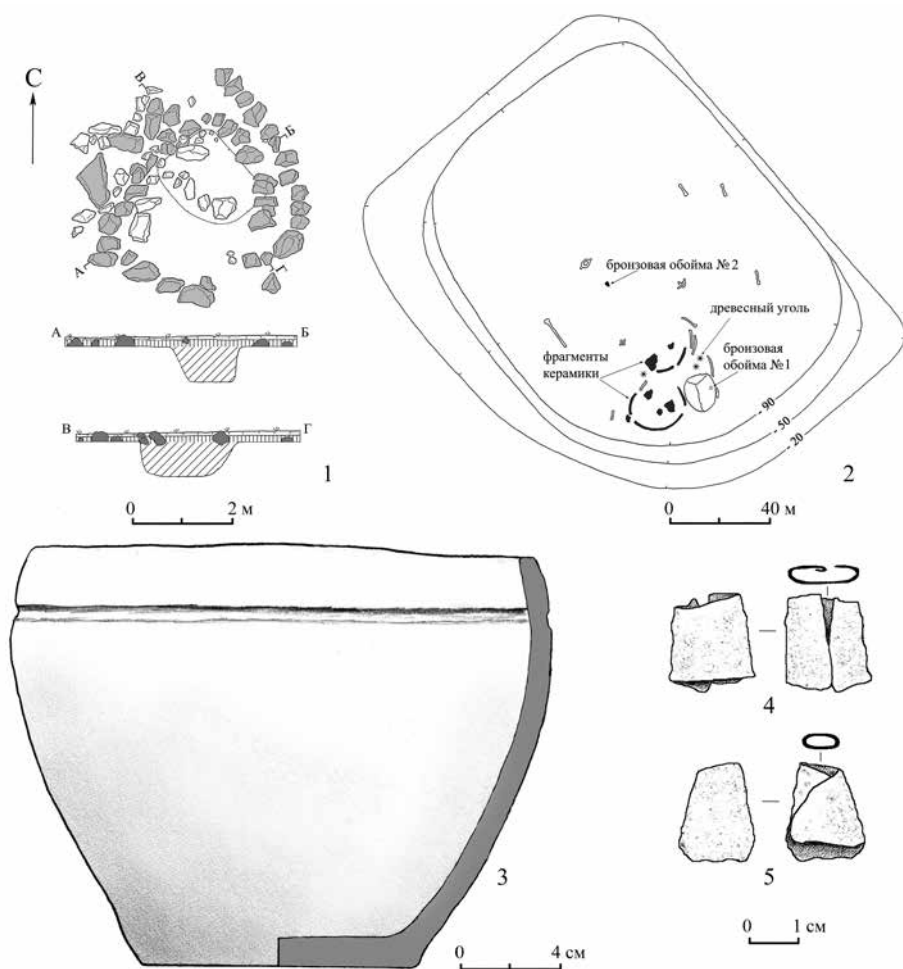

Рис. 3. Сооружение №2: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – сосуд; 4 – бронзовая обойма №1; 5 – бронзовая обойма №2

Сооружение №3 (рис. 4.-1) имело в плане форму каменного кольца (внешний диаметр 4,75 м), внутри которого находилось второе кольцо (внешний диаметр 2 м), сооруженное по краю грунтовой могилы, имевшей в плане прямоугольную форму (размеры 1,33×1,18 м) и ориентированной длинной осью по линии ЮВ–СЗ (рис. 4.-2). Глубина могильной ямы от уровня материка – 0,55 м, западная часть понижается ко дну. При выборке заполнения встречались разрозненные кости, на дне, в северном углу, обнаружены *in situ* кости стопы взрослого человека. Других находок не зафиксировано. К юго-западу и западу от сооружения лежали беспорядочно разбросанные камни, очевидно, от внутреннего заполнения конструкции. Примерно в 1,5 м к востоку от сооружения на уровне материка обнаружен развал глиняного сосуда (рис. 4.-3), украшенного по плечу двумя-тремя рядами округлых и полукруглых вдавлений, сверху и снизу которых нанесены вертикальные и наклонные отпечатки штампа каплевидной формы с двумя зубцами в расширенной части.

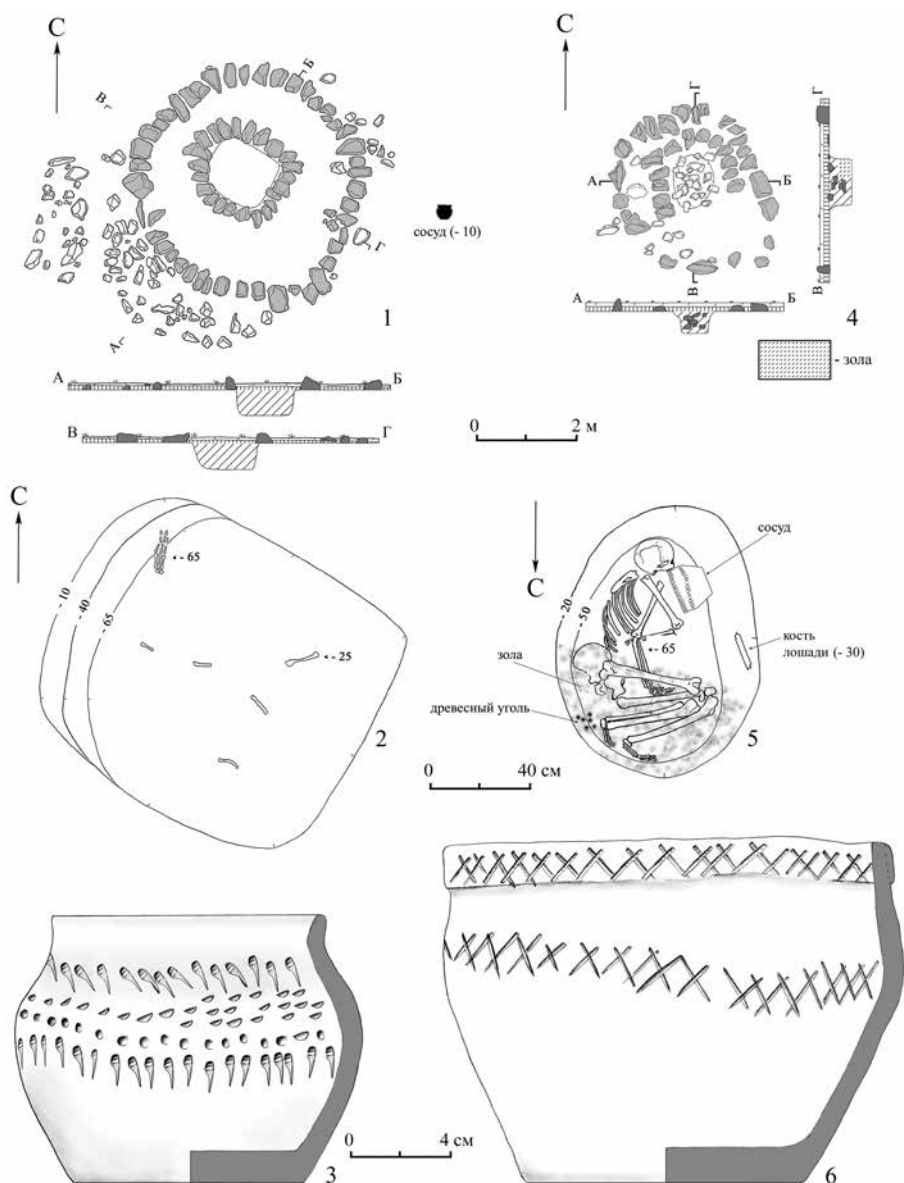

Рис. 4. Сооружение №3: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – сосуд.
Сооружение №4: 4 – план и разрезы; 5 – могила; 6 – сосуд

Сооружение №4 (рис. 4.-4) представляло собой кольцо (внешний диаметр 3–3,5 м) из крупных камней, положенных плашмя на уровне древней поверхности. Внутри оно было заполнено такими же камнями, после снятия которых выявилось второе каменное кольцо (внешний диаметр 1,8 м), выложенное вокруг могилы. Южная часть обоих колец была разрушена. Находившаяся в центре сооружения грунтовая могила имела в плане эллипсоидную форму (размеры 1,1×0,8 м, глубина могилы от уровня материка – 0,45 м) и была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. В разрезе могила имела ступен-

чатуую форму и сужалась ко дну. Могильная яма была забутована камнями вперемешку с землей. При выборке заполнения на глубине 0,1 м от края ямы обнаружен фрагмент диафиза левой берцовой кости лошади*. На дне было расчищено погребение женщины зрелого возраста (40–50 лет) европеоидного долихокранного антропологического типа. Костяк лежал на левом боку в скорченном положении, головой на юг (рис. 4.-5). Вытянутая левая рука находилась между бедер кистью кверху, правая была согнута локтем наружу и кистью под грудь. Бедра составляли с туловищем прямой угол, голени были поджаты, а таз, колени и ступни упирались в стенки могилы. Шея была вывернута так, что череп оказался практически теменем кверху и касался левой стороной стенки могилы. Судя по всему, умершую буквально втиснули в могильную яму. Ниже пояса скелет был засыпан слоем золы (толщина 0,3 м), в которой встречались куски древесного угля. Перед грудной клеткой на земляном уступе находился глиняный сосуд (рис. 4.-6), лежавший на боку, устьем к погребенной. По воротничку сосуда располагается ряд перекрещивающихся отрезков, выполненных гребенчатым штампом со сглаженными зубцами, на плечике – такой же ряд из отпечатков гладкого штампа. Сосуд деформировался под тяжестью земли и имеет в поперечном разрезе эллипсоидную форму.

Сооружение №5 (рис. 5.-1) к настоящему времени представляло собой эллипсоидную в плане (размеры 2×3 м) грудку камней. После их снятия было расчищено могильное пятно, также имевшее в плане эллипсоидную форму (размеры 0,95×1,5 м) и ориентированное длинной осью по линии Ю–С. В разрезе могила имела подпрямоугольную форму с повышением в северной части (глубина могилы от уровня материка – 0,4–0,5 м).

Погребение было ограблено еще в древности, так как разбросанные по дну могилы останки, принадлежавшие женщине 18–20 лет, находились в сочленении (рис. 5.-2). В северном конце могилы зафиксирован череп погребенной, с раздробленной и обугленной лицевой частью. Рядом лежала бедренная кость, обугленная и сломанная посередине. При вскрытии этого участка могилы начиная с глубины 0,25 м от ее края встречались кусочки древесного угля. В центре могилы обнаружена грудная клетка, лежавшая позвоночником кверху, шейным отделом на юг. Около нижней части грудной клетки обнаружены подвздошная кость и предплечье с костями запястья. Между лопатками найдены остатки украшения, состоявшие из трех костяных трубочек-пронизок и медной бляхи, лежавшей петелькой вниз. Пронизки (рис. 5.-4, 5, 7) лежали вплотную, параллельно друг другу, длинной осью перпендикулярно позвоночнику. Между ребрами правой половины грудной клетки было найдено еще четыре пронизки (рис. 5.-6, 8–10) от того же украшения. Пронизки изготовлены из костей крупных птиц (дрофа, журавль), имеют заполированную поверхность. Бляха (рис. 5.-3) имеет форму выпукло-вогнутого диска диаметром 4,5 см, толщиной в центральной части 2–3 мм. На оборотной стороне расположен круглый в разрезе стерженок (длина 1,5 см, толщина 0,5 см), загнутый в виде крючка параллельно поверхности бляхи. На краю бляхи отмечено круглое сквозное отверстие диаметром 1 мм. Противоположный край поврежден коррозией, возможно, здесь располагалось второе такое же отверстие.

Сооружение №6 (рис. 6.-1) было выложено из камней и первоначально имело форму двойного кольца (внешние размеры – 2–2,2 м). К настоящему времени от внешнего кольца осталась только восточная половина. В центре внутреннего кольца (внеш-

* Археозоологические определения сделаны к.б.н. П.А. Косинцевым и к.б.н. Д.О. Гимрановым, с.н.с. Института экологии растений и животных УрО РАН.

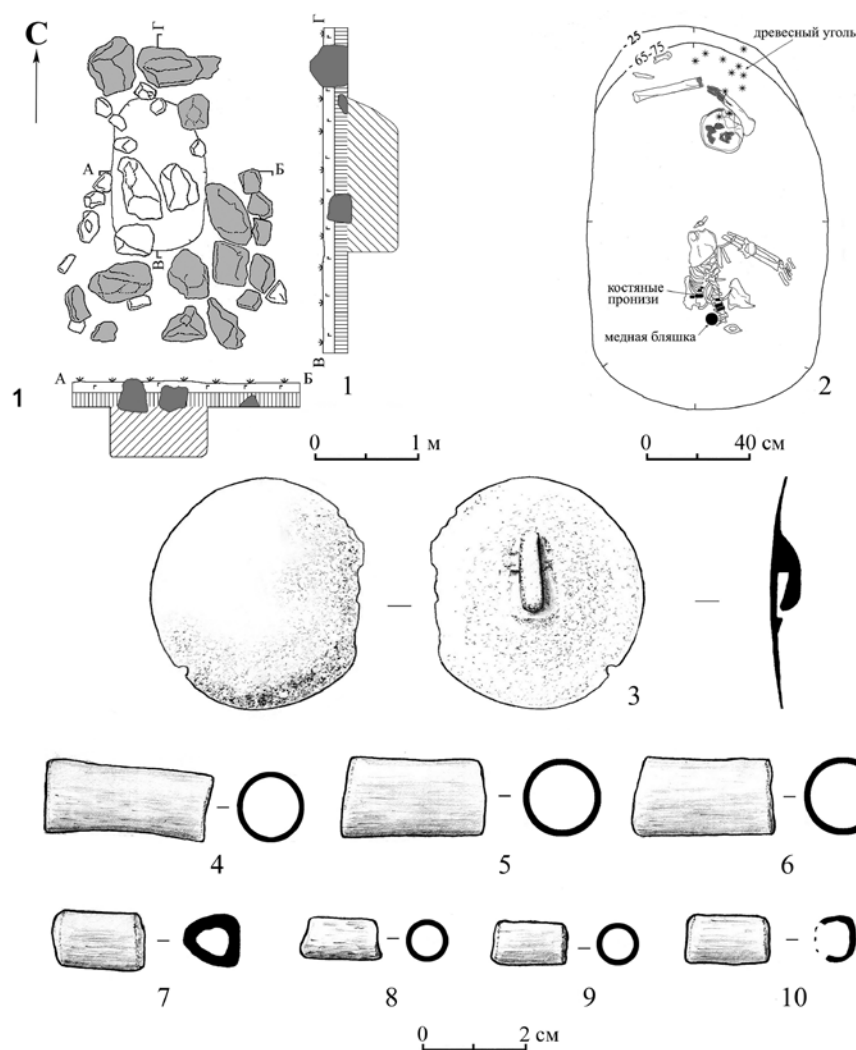

Рис. 5. Сооружение №5: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – медная бляшка; 4–10 – костяные трубочки-пронизки

ние размеры – 1,5–1,8 м) располагалась грунтовая могила, заложенная камнями вперемешку с землей. В плане могила, ориентированная длинной осью по линии Ю–С, имела эллипсоидную форму (размеры 0,9×0,75 м), в разрезе – котловидную (глубина могилы от уровня материка – 0,35 м).

Погребение принадлежало ребенку в возрасте 2–4 лет, который лежал в скорченном положении головой на юг, на правом боку (рис. 6.-2). Руки были согнуты ладонями к лицу, колени подняты к груди, голени перекрещены. На уровне межключичной впадины обнаружены обломки прямоугольной бронзовой обоймы (рис. 6.-4), возможно, пришитой к кожаному нагруднику, от которого в этой области сохранился желтый глени. Под черепом найдена обломанная серьга в виде колечка из бронзовой проволоки диаметром 1 мм (рис. 6.-3). Над головой стоял небольшой глиняный сосуд (рис. 6.-5),

украшенный по основанию шейки рядом наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Верх тулова заглажен щепкой, оставившей глубокие рельефные следы.

Сооружение №7 (рис. 6.-б) имело форму кольца из камней с разрушенной юго-западной частью (внешний диаметр – 1,5 м). Камни сооружения были установлены по краю могилы, причем камни северной стороны имели высоту до 0,5 м и были частично погружены в пространство могильной ямы.

Грунтовая могила (рис. 6.-7), заполненная камнями вперемешку с землей, была ориентирована длинной осью по линии Ю–С, имела в плане эллипсоидную форму (размеры 1,2×0,9 м), в разрезе – котловидную (глубина могилы от уровня материка – 0,4 м). Погребение было полностью ограблено, в заполнении и на дне обнаружены

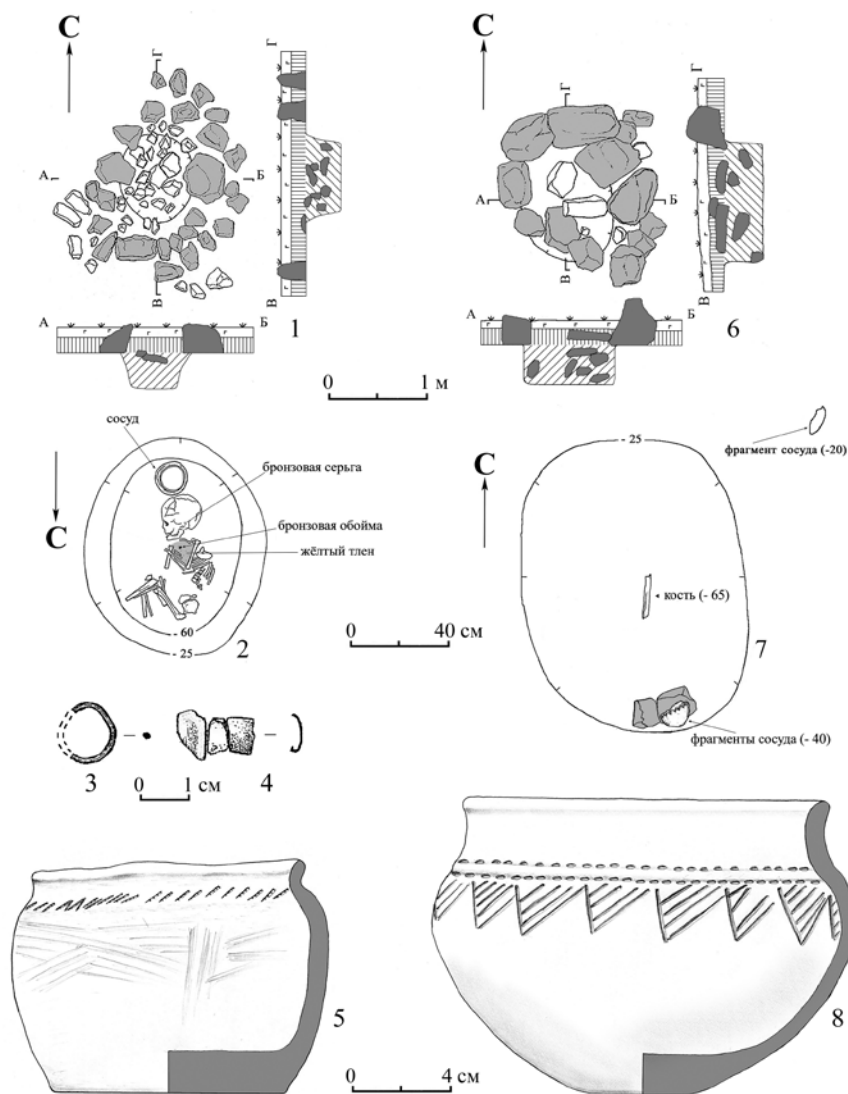

Рис. 6. Сооружение №6: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – бронзовая серьга; 4 – бронзовая обойма; 5 – сосуд. Сооружение №7: 6 – план и разрезы; 7 – могила; 8 – сосуд

лишь обломки длинных костей взрослого человека. Около южной стенки могилы на дне стояло три камня, на которых лежала часть керамического сосуда (рис. 6.-8). Среди камней северо-восточной части сооружения было найдено еще несколько фрагментов, принадлежавших тому же сосуду и выброшенных при ограблении могилы.

Сооружение №8 (рис. 7.-1) первоначально представляло собой устроенное над могилкой каменное кольцо, имевшее внешний диаметр 1,3 м, но к настоящему времени камни южной части были утрачены. При вскрытии могильной ямы обнаружилось, что ее северная часть продолжается за каменной обкладкой на 0,5 м, т.е. в данном случае каменное кольцо явно было сооружено после перекрытия могилы, причем три камня были погружены в могильное пространство на глубину до 0,2 м. О перекрытии можно сказать, что в его устройстве использовались деревянные жерди и плахи, которые, судя по сохранившимся фрагментам, были уложены в три слоя поперек могилы, начиная с 0,5 м от дна. После завершения деревянного перекрытия оно было подожжено. На ритуал, связанный с огнем, указывает и то, что погребенный был засыпан слоем золы мощностью 0,5 м, а в заполнении могилы встречались древесные угольки.

Грунтовая могила (рис. 7.-2), ориентированная длинной осью по линии Ю–С, имела в плане овальную форму (размеры 1,6×0,95 м), в разрезе – прямоугольную, с отвесными стенками (глубина могилы от уровня материка – 0,75 м). На дне могилы обнаружено погребение женщины 30–40 лет. Череп, европеоидного долихокранного типа, крупный и массивный, однако, по мнению К.Н. Солодовникова, строение посткраниального скелета, и в частности тазовых костей, не оставляет сомнений в том, что он принадлежит женщине. Человек лежал на спине, головой на юг. Череп стоял на нижней челюсти и был слегка наклонен к правому плечу. Ноги находились на боку и были согнуты в коленях, касаясь ими восточной стенки могилы. Правая голень располагалась по линии З–В, левая была поджата к бедру. Левая плечевая кость лежала параллельно туловищу, кости предплечья были обнаружены в сочленении около восточной стенки могилы, рядом с кистевыми фалангами. У скелета отсутствовала часть костей стоп, фаланг пальцев, полностью не было правой руки, что объясняется деятельностью сурков, устроивших в могиле нору. При раскопках хода норы обнаружен обломок медной полусферической бляхи, окрашенной окислами меди (рис. 7.-4), от украшения, которое надевалось на шею, судя по нижней челюсти. За головой, устьем к затылку погребенной, на боку лежал глиняный сосуд (рис. 7.-3), первоначально стоявший на небольшом камне, найденном рядом.

К северу от сооружений №7 и 8, с юго-запада на северо-восток, был выложен ряд камней и валунов (размеры от 0,2×0,4 м до 0,6×0,7 м) – возможно, остатки общей ограды.

На северо-западной периферии памятника, которая возвышается над остальной его площадкой, были зафиксированы многочисленные камни, выступавшие над современной поверхностью земли. Раскопом было выявлено **сооружение №9** (рис. 7.-5), выложенное из крупных камней в один слой и имевшее в плане овальную форму (5×3,5 м). В центральной части сооружения, сразу под дерном (глубина 0,1 м), найдено каменное дисковидное изделие с овальным отверстием (подвеска?), вокруг которого с обеих сторон прорезано по две концентрические окружности (рис. 7.-6); в западном секторе зафиксировано пятно золистого грунта. В 0,6 м к западу от сооружения под дерном обнаружен обломок левой лопатки овцы. В 1,8 м к югу от сооружения на глубине 0,1 м от современной поверхности были найдены два каменных орудия сегментовидной

формы (рис. 7.-7, 8). На одном из концов с внутренней стороны каждое орудие имеет заглаженные участки. Многочисленные камни, обнаруженные в раскопе вне пределов сооружения, к западу, востоку и югу от него, составляли случайные скопления.

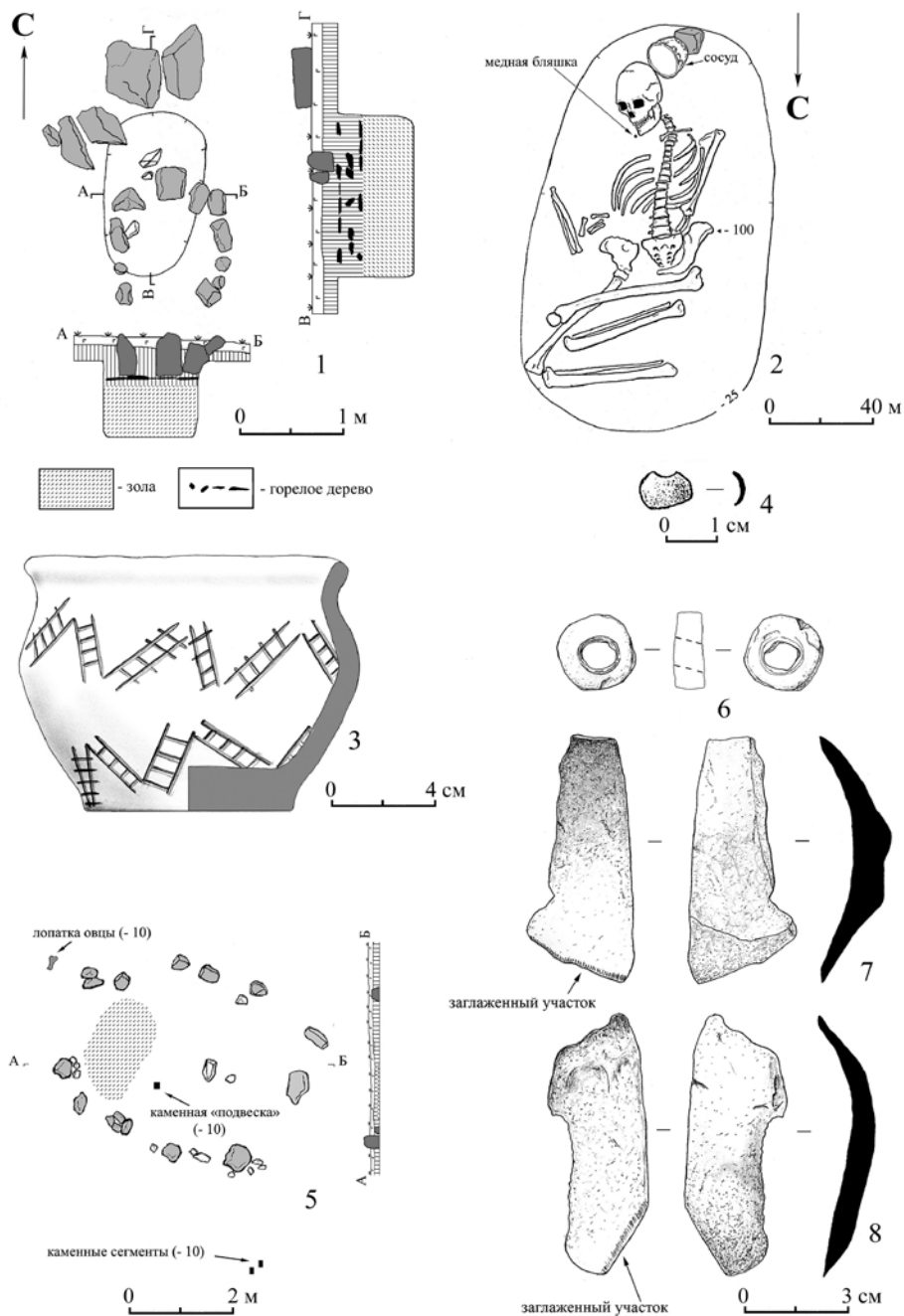

Рис. 7. Сооружение №8: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – сосуд; 4 – бронзовая бляха. Сооружение №9: 5 – план и разрез; 6 – каменная «подвеска»; 7, 8 – каменные орудия

Сооружение №10 (рис. 8.-1) до раскопок имело вид кургана с каменно-земляной насыпью высотой до 0,5 м. После снятия дернового слоя и расчистки камней сооружения в центре была обнаружена погребальная камера, представлявшая собой вырытую в земле неглубокую (0,2 м) яму квадратной в плане (2×1,8 м) формы, обставленную по верхнему краю камнями, лежавшими местами в два слоя. Стороны камней, обращенные внутрь камеры, были, вероятно, подтесаны, так как имеют ровные плоские поверхности. Камера ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В заполнении северо-западного угла встречены многочисленные куски древесного угля, на дне около юго-восточного угла найдена нижняя челюсть мужчины 18–25 лет. Погребальная камера окружена двумя округлыми в плане оградами, также сложенными из крупных камней, местами в два слоя; расстояние между оградами – 0,2–0,3 м. Внутренние размеры первой ограды – 4,2×4 м, размеры второй (внешней) ограды – 5,3×4,8 м. Погребальная камера была, скорее всего, заполнена камнями, которые были выброшены при ограблении и лежат в настоящее время вокруг сооружения.

Сооружение №11 (рис. 8.-2) представляло собой разрушенную кольцевую ограду из камней с грунтовой могилой в центре. Судя по сохранившейся части ограды, ее внешний диаметр мог достигать 4–5 м. Поверх могилы было сооружено кольцо из камней, диаметром 2 м. Могила (рис. 8.-3) имела в плане и в разрезе форму, близкую к прямоугольной (размеры 0,95×1,8 м, глубина от уровня материка 0,6 м), была ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В заполнении встречались человеческие кости и фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 8.-4), шейка которого была украшена неглубокими вертикальными расчесами. На дне обнаружены остатки погребения двух человек – мужчины 40–50 лет европеоидного антропологического типа и женщины 25–35 лет. Мужчина отличался очень развитыми надбровными дугами и имел рост около двух метров.

В 1,4 м к югу от сооружения №11 находилась яма 1 (рис. 8.-2), имевшая в плане округлую форму (диаметр 1,3 м), в разрезе – котловидную (глубина от уровня материка 0,3 м). В верхней части заполнения ямы зафиксирована сажистая прослойка мощностью 0,1 м. На глубине 0,2 м от края ямы был найден фрагмент диафиза правой бедренной кости лошади.

Полученные результаты и их обсуждение

Всего, таким образом, на могильнике Каратугай было раскопано десять сооружений и, предположительно, ритуальная площадка.

Сохранившиеся погребальные сооружения представляли собой круглые в плане (диаметр 2,2–5,3 м) ограды из крупных камней с внутренней забутовкой из камней меньшего размера. Грунтовые могильные ямы располагались в центре оград и были обставлены по краю камнями. Глубина ям небольшая, от 0,2 м до 0,75 м, заполнение их примерно в половине случаев состояло из камней вперемешку с землей. Четыре погребения оказались неогрбленными. Костяки, обнаруженные в них, лежали головами на юг, скорченно на правом боку (детские погребения №1 и №6), на левом боку (№4) или на спине с подогнутыми ногами (№8). Судя по местонахождению сосудов и остатков костяков в других могилах, погребенные в них также располагались головами в южный сектор.

В головах погребенных находилось от одного до двух керамических сосудов, которые могли устанавливаться на камни (сооружения №7, 8).

Одно из погребений (№11) содержало останки двух человек – мужчины 40–50 лет и женщины 25–35 лет.

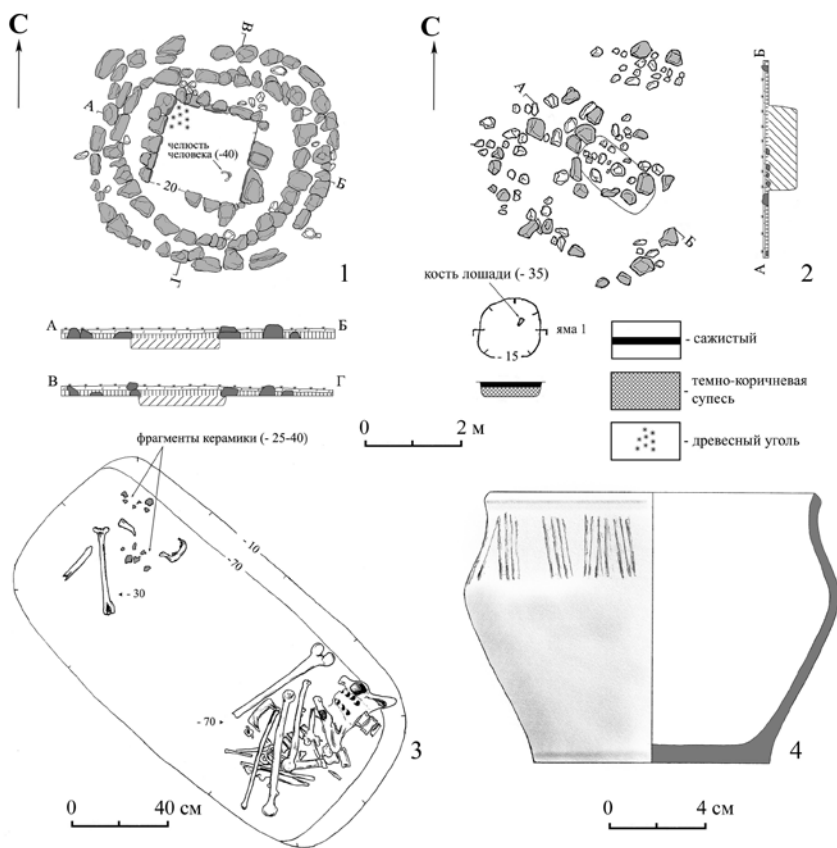

Рис. 8. Сооружение №10: 1 – план и разрезы. Сооружение №11 и яма 1: 2 – планы и разрезы; 3 – могила; 4 – сосуд

Сооружение №10 имело более сложное устройство (неглубокая квадратная яма с обкладкой из обтесанных камней по верхнему краю, вписанная в две кольцевые ограды), вероятно, указывающее на особый социальный статус погребенного. Схожая конструкция погребальной камеры была исследована на могильнике Уйтас-Айдос в Улытауском районе Карагандинской области [Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 48, 50, рис. 5].

Сооружение №9, находящееся на самой высокой площадке северо-западной периферии могильника, вероятно, имело культовое назначение, т.е. здесь могли совершаться действия, связанные с погребальным или поминальным ритуалами. К следам ритуальных действий следует отнести и яму около сооружения №11, содержащую углистую прослойку и кость лошади. По предположению, высказанному П.А. Косинцевым, кости животных, обнаруженные на могильнике, могли быть остатками тризны. Все они какое-то время находились на древней дневной поверхности, поскольку имеют следы погрызов собаками и домашним скотом.

Ритуалы при совершении погребений взрослых членов общины включали очищение огнем. Признаки этого встречены в могилах сооружений №2, 10 – древесные угли в заполнении; №4 – засыпка погребенного золой с древесными углями; №5 – обожжен-

ные кости погребенного и древесные угли в заполнении; №8 – засыпка погребенного золой и древесные угольки в заполнении, сожжение деревянного перекрытия могилы.

Следы ритуалов, связанных с огнем, повсеместно встречаются в могильниках конца эпохи бронзы и переходного времени к раннему железному веку – например, уголь и обожженное дерево в заполнении могил [Арсланова, 1974, с. 47; Варфоломеев, 2007, с. 52; Гарустович, 2000, с. 123–125; Горбунов, Обыденнов, 1980, с. 180; Ермолаева, 2012, с. 38, 59; Карабаспакова, 2011, с. 76, 136; Логвин, Шевнина, 2012, с. 154–155; Отрощенко, 1975, с. 198], наличие прокалов [Агульников, 2010, с. 189; Кунгуров, Папин, 2001, с. 84; Молодин и др., с. 143; Ткачев, 2002, с. 129]. Трупобожжение в финале эпохи бронзы зафиксировано в кургане №7 могильника у с. Ак-Жар в Актюбинской области [Смирнов, 1964, с. 32], встречалось в Южном Зауралье [Костюков и др., 1996, с. 152], входило также в погребальный обряд ирменской культуры [Ковалевский, 2016], причем, как и в нашем случае, применялось к некоторым женским погребениям. Одно мужское погребение с обожженным костяком найдено в ирменском могильнике Малый Гоньбинский Кордон-1, но огонь, по предположению авторов, горел над могилкой после совершения захоронения [Кунгуров, Папин, 2001, с. 81].

Керамическая коллекция памятника носит смешанный характер: шесть сосудов внешне можно отнести к саргаринско-алексеевской культуре, два экземпляра имеют признаки ирменского культурного влияния: сосуд из сооружения №8 (рис. 7.-3) декорирован зигзагами из отрезков поперечно заштрихованных лент, которые входят в состав специфических элементов ирменской орнаментики [Бобров и др., 2004, рис. 5.-11; рис. 16.-23; Матвеев, 1993, табл. 7.-2, 7, 11, 12; табл. 11.-7, 15; табл. 12.-15; табл. 14.-31; табл. 16.-5, 20, 23; табл. 17.-16; табл. 19.-23, 27–29, 32; табл. 20.-16, 18; табл. 21.-1, 2; табл. 23.-12, 15; табл. 24.-22, 23; Молодин, 1985, рис. 62.-1, 18; Полеводов, 2008, рис. 5.-3; Членова, 1994, рис. 30.-12; рис. 52.-1]. Сюда же относятся [Ситников, 2015, с. 82] прочерченные заштрихованные треугольники на сосуде из сооружения №7 (рис. 6.-8), который к тому же (по В.И. Молодину) близок по форме третьему типу ирменской керамики [Молодин, 1985, с. 119; рис. 61; рис. 62; Бобров и др., 2004, рис. 9.-8]. Сосуд первоначально имел округлое дно, которое было уплощено путем придавливания о твердую поверхность. В основании шейки нанесены два ряда овальных вдавлений, между которыми образовался ложный валик. Интересно отметить, что аналогичным образом украшен один из сосудов могильника Старый Сад восточного варианта пахомовской культуры в Центральной Барабе [Молодин и др., 2017, рис. 63.-4]. Возможно, сочетание всех этих признаков указывает на импортный характер сосуда из сооружения №7.

Обнаружены также металлические украшения: две трапециевидные обоймы, изготовленные из мышьяковой бронзы* (сооружение №2); прямоугольная обоймочка и колечковидная серьга, изготовленные из оловянной бронзы (сооружение №6); обломок медной бляхи (сооружение №8); медная дисковидная бляха с крючкообразной петлей на обороте (сооружение №5). Бляха с петлей на обороте обнаружена в саргаринско-алексеевском могильнике Бестамак [Логвин, Шевнина, 2012, рис. 3.-1], эти бляхи встречаются также в комплексах заключительного, маклашеевского, этапа приказанской культуры [Халиков, 1980, табл. 54.-15, 16], в памятниках финала эпохи

* Интерпретация результатов рентгенофлюоресцентного анализа (табл.) проведена к.и.н. А.Д. Дегтяревой, в.н.с. сектора археологических и природных реконструкций Института проблем освоения Севера ТНЦ СО РАН.

бронзы Южного Зауралья [Костюков, Епимахов, 2005, с. 71], межовской [Горбунов, Обыденнов, 1980, рис. 3.-4], ирменской [Ковалевский, 2007, с. 96; Грушин и др., 2009, рис. 21.-15, 16; рис. 23.-9], пахомовской [Молодин и др., 2017, с. 134] и других культур. Бляха с крючком-петлей, аналогичная каратугайской, была найдена в могильнике Боровянка-XVII (Среднее Прииртышье) [Погодин, Полеводов, 2006, рис. 7.-7], датированном временем перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (VIII–VII вв. до н.э.) [Погодин, Полеводов, 2006, с. 124]. Бытование данного вида металлических украшений продолжается и в раннем железном веке, например, они являются частыми находками в могильниках тагарской культуры [Мартынов, 1979, с. 165, табл. 15.-3–7].

В нашем случае бляха располагалась на спине женского костяка и являлась, скорее всего, частью наконечника. О том, что дисковидные бляхи с петельками могли входить в состав украшений для косы, свидетельствуют также материалы ирменского могильника Милованово-1 в Новосибирской области [Ковалевский, 2007, с. 98]. В конструкцию каратугайского наконечника входили еще семь полированных трубочек-пропорок из костей крупной птицы. Такие же трубочки были найдены в мавзолеях 2 и 3 могильника Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55.-4, 5].

Колечковидная серьга из детской могилы №6 типична для стандартного инвентаря ирменских могильников, так же как и поза ребенка (например, могильник Малый Гоньбинский Кордон-1, мог. 7, мог. 11 [Кунгуров, Папин, 2001, рис. 3]).

Таблица

Результаты анализа металлических изделий могильника Каратугай

№	Местонахождение	Название вещи	Инв. номер	Cu	Pb	As	Sn	Fe	Примечания
1	Сооружение №2	Обойма №1	204 К/26	74,8	0,2	2,9	–	0,5	Сторона 1
				82,1	0,2	1,9	–	0,2	Сторона 2
2	Сооружение №2	Обойма №2	204 К/27	93,4	0,2	1,9	–	0,1	Сторона 1
				88,8	0,3	3,6	–	0,1	Сторона 2
3	Сооружение №5	Бляха	204 К/7	99,9	–	–	–	0,1	Лицевая сторона
				99,9	–	–	–	0,1	Внутренняя сторона
4	Сооружение №6	Фрагмент серьги	204 К/16	43,0	0,2	–	3,3	0,8	
5		Фрагмент обоймы	204 К/17	34,9	0,5	–	8,3	0,2	
6	Сооружение №8	Фрагмент бляхи	204 К/20	40,8	–	–	–	0,4	

По человеческим костям из двух погребений могильника Каратугай в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН было проведено радиоуглеродное датирование. Даты откалиброваны с помощью программы Calib Rev 7.0.4*:

Лабораторный номер	Комплекс	14С BP	Калиброванная дата (σ 1) 68,3%	Калиброванная дата (σ 2) 95,4%
СОАН-7476	Сооружение №4	2850±65	[cal BC 1110: cal BC 1096] 0,063 [cal BC 1094: cal BC 928] 0,937	[cal BC 1211: cal BC 892] 0,969 [cal BC 878: cal BC 847] 0,031
СОАН-7477	Сооружение №8	2780±50	[cal BC 997: cal BC 894] 0,859 [cal BC 871: cal BC 851] 0,141	[cal BC 1047: cal BC 821] 1,0

Специфичны позы погребенных в могилах №1, 4 и 8.

* CALIB RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM (To be used in conjunction with: Stuiver M., and Reimer P.J., 1993, Radiocarbon, 35, 215-230). Copyright 1986-2017 M Stuiver and PJ Reimer.

Подросток, погребенный в могиле №1, был положен на правый бок с подогнутыми ногами и поворотом туловища на живот. Левая рука при этом была подогнута локтем наружу и кистью под грудь, а правая была согнута в локте и направлена кистью вперед. Женщина в могиле №4 лежала на левом боку, с левой рукой, вытянутой вдоль туловища, и правой рукой, согнутой локтем от тела и кистью под грудь.

Такие же действия с телом умершего фиксируются на огромной территории от Сибири до Украины в материалах могильников, относящихся к финалу эпохи бронзы и переходу к раннему железному веку. Тела помещали на правом или левом боку, с подогнутыми ногами, туловище могло быть повернуто на живот [Варфоломеев, 2007, рис. 3.-1; рис. 4.-4; Ермолаева, 2012, фото 40, рис. 40.-3; Костюков, Епимахов, 2005, рис. 2; Молодин, 1985, рис. 66.-16; Ткачев, 2002, рис. 189.-4; Черников, 1960, рис. 9; Шамшин и др., 1996, рис. 3.-1, 4], руки при этом располагались особым образом, причем левая иначе, чем правая. Наблюдаются различные варианты положения рук:

1) обе руки вытянуты вперед и вниз – Восточный Казахстан, могильник Темирканка, ограда 2, мог. 1 [Ермолаева, 2012, фото 25.-2];

2) обе руки согнуты под прямым углом, кистями вперед – Южное Зауралье, курган Белоключевка-7, мог. 1 [Костюков, Епимахов, 2005, рис. 2];

3) одна рука согнута кистью к лицу, другая подогнута локтем наружу и кистью под грудь – Восточный Казахстан, могильник у пос. Мало-Красноярка, мог. 1 [Черников, 1960, рис. 9];

4) правая рука согнута кистью к животу; левая неясно – Барабинская лесостепь, могильник Преображенка-3, курган №102, погр. 5 [Молодин, 1985, рис. 66.-16];

5) одна рука вытянута вдоль туловища, другая подогнута локтем наружу и кистью под живот – Центральный Казахстан, могильник Темиркаш, сооружение 9 [Варфоломеев, 2007, рис. 4.-4];

6) одна рука вытянута вдоль туловища, другая согнута под прямым углом и положена на живот – Южное Зауралье, могильник «У поворота...», курган №1, мог. 2 [Костюков и др., 1996, рис. 4.-1];

7) одна рука вытянута вдоль туловища, другая согнута кистью к лицу – Алтай, Бобровский могильник, мог. 22, 34, 37 [Шамшин и др., 1996, с. 71, рис. 3.-1, 4], Восточный Казахстан, могильник Ковалевка, ограда 19, погр. 2 [Ермолаева, 2012, фото 40], могильник Темирканка, ограда 49, погр. 2 [Ермолаева, 2012, фото 29.-2];

8) правая рука – неясно, левая рука вытянута вдоль тела – Восточный Казахстан, могильник Темирканка, курган-ограда №85, погр. 1 [Ермолаева, 2012, фото 39];

9) одна рука вытянута вперед, другая согнута кистью к лицу или просто вверх – Центральный Казахстан, могильник Тегисжол, сооружение 2, погр. 2 [Варфоломеев, 2007, рис. 3.-1], могильник Актопрак, ограда 3 [Ткачев, 2002, рис. 189.-4], Алтай, могильник Малый Гоньбинский Кордон-1, мог. 12 [Кунгуров, Папин, 2001, рис. 4.-1];

10) одна рука согнута кистью к подбородку или к лицу, другая согнута под прямым углом кистью вперед – Восточный Казахстан, могильник Темирканка, ограда 41, курган-ограда №80, погр. 5, курган-ограда №85, погр. 2 [Ермолаева, 2012, рис. 37.-2, 6; фото 37, 40], Алтай, могильник Малый Гоньбинский Кордон-1, мог. 9 [Кунгуров, Папин, 2001, рис. 1.-6], Центральная Бараба, могильник Старый Сад, курган №67, погр. 2 [Молодин и др., рис. 65.-5];

11) одна рука лежит кистью на плече, другая согнута в локте под прямым углом и лежит перед грудью – Центральный Казахстан, могильник Красные Горы, ограда 1 [Ткачев, 2002, рис. 193.-3];

12) одна рука лежит кистью на плече, другая – кистью на бедре – Северный Казахстан, могильник Ак-Куль, курган №3 [Оразбаев, 1958, с. 272].

Как видно, сочетание разновидностей положения туловища и каждой руки дало многообразие позиций погребенных, но все они по классификации Д.Я. Телегина [1976, с. 6] могут быть отнесены к позиции IIIa – поза «скачущего всадника», в отличие от позиции IIIб или позы «адорации», когда руки укладывались кистями к лицу. Поза «адорации» была наиболее характерна для предшествующего периода, а в конце эпохи бронзы устойчиво сохраняется в ирменском погребальном обряде [Молодин, 1985, рис. 66]. Примечательно, что детские погребения саргаринско-алексеевской культуры совершались в позе «адорации», тогда как в погребениях подростков и взрослых преобладает поза «скачущего всадника».

Погребение в могиле №8 могильника Каратугай было совершено на спине с подогнутыми и положенными на правый бок ногами; левая рука, судя по расположению плечевой кости и пальцевых фаланг, была согнута под прямым углом и положена на живот. Подобную позу (на спине с подогнутыми ногами и различным расположением рук) можно, очевидно, считать вариантом позы «скачущего всадника». При этом она встречается значительно реже, чем положение на боку. Так захоронен небольшой процент (2,56%) ирменцев Кузнецкой котловины [Ковалевский, 2006, с. 44–45], встречаются единичные погребения финала эпохи бронзы и перехода к РЖВ в Центральной Барабе (могильник Старый Сад, курган №96, погр. 1 [Молодин и др., 2017, рис. 98.-3]) и в Казахстане (Северный Казахстан – могильник Бестамак, мог. 18, мог. 132 [Логвин, Шевнина, 2012, рис. 1.-1, 3; рис. 5]; Западный Казахстан / Южное Приуралье – могильник у села Ак-Жар, курган №7 [Смирнов, 1964, с. 32] и курган №4 в урочище Урал-сай, в котором одна из ног костяка была прижата пяткой к бедру, как и в могиле №8 могильника Каратугай [Смирнов, 1964, с. 32, рис. 3.-7]; Семиречье – могильник Арасан, погр. 1 [Карабаспакова, 2011, табл. 10]).

Заключение

По моему мнению, высказанному ранее [Ломан, 2013, с. 247, 257], погребальные памятники саргаринско-алексеевской культуры можно разделить на бегазинский и саргаринский типы. Распространение бегазинского типа ограничено территорией Центрального и Восточного Казахстана, а саргаринский занимал остальную часть Казахстана и Алтай. Для первого характерны плиточные ящики, наземные или углубленные, отдельные или в прямоугольных оградах из плоских камней, положенных плашмя, а также погребения элиты в каменных мавзолеях различной конструкции.

Сооружения могильника Каратугай относятся к саргаринскому типу, обряд которого, как мы видим, находит многочисленные аналогии в погребальных памятниках финала эпохи бронзы и перехода к раннему железному веку на всей территории степной Евразии. Общими чертами являются погребения в мелких (глубина до 1 м) и тесных грунтовых могилах, ориентировка погребенных головой в южный сектор, положение преимущественно на правый бок, сильная скорченность костяков, помещение сосудов в изголовье, следы ритуалов, связанных с огнем.

Нет сомнения, что столь значительное сходство, которое действительно можно назвать эпохальным [Епимахов, 2010, с. 47], могло базироваться лишь на обширных связях между носителями разных археологических культур.

По крайней мере, существование тесного взаимодействия между саргаринско-алексеевской и ирменской культурами признают многие исследователи [Ковалевский, 2010, с. 141–143; Матвеев, 1993, с. 108–109; Могильников, 1988, с. 153; Ситников, 2015, с. 81–83; Федорук, Ковалевский, 2006, Шамшин, 2005, с. 98], об этом говорят и материалы могильника Каратугай.

Ирменское влияние в конце эпохи бронзы отмечается на территории не только Казахстана, но и Южного Зауралья, где был выделен особый, белоключевский, тип памятников [Костюков, Епимахов, 2005, с. 74]. Однако с учетом расширившейся за последние годы базы данных по саргаринско-алексеевской культуре, в частности по глиняной посуде и особенностям погребального обряда, эти памятники все же, видимо, следует включать в круг саргаринско-алексеевских. Черты ирменской обрядности могли в данном случае транслироваться с востока на запад не только мигрирующим ирменским населением [Костюков, Епимахов, 2005, с. 74], но и «саргаринцами», обитавшими на Алтае [Ситников, 2015], где они находились в непосредственном контакте с «ирменцами».

Благодарности

Автор выражает особую признательность в.н.с. САИ, к.и.н. И.А. Кукушкину, без которого раскопки памятника не могли бы состояться.

Библиографический список

- Агульников С.М. Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М. : МГОУ, 2010. С. 183–192.
- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата : Наука КазССР, 1974. С. 46–60.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 4–34.
- Бокний Н.М., Горбул Г.П. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области // Советская археология. 1985. №4. С. 224–228.
- Варфоломеев В.В. Погребения культуры валиковой керамики в урочище Темиркаш // Кадырбаевские чтения : материалы международной научной конференции. Актюбе : ПринтА, 2007. С. 50–57.
- Гарустович Г.Н. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 123–128.
- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // Советская археология. 1980. №3. С. 173–182.
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.
- Дворниченко В.В. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 59–64.
- Дворниченко В.В. Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука-XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 60–64.
- Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. 2010. №2. С. 39–50.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая. Алматы : Институт археологии им А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2012. 238 с.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы : Бегазы–Тасмола, 2011. 220 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в ранне-скифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Ковалевский С.А. Бронзовые бляхи из ирменских погребальных комплексов Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 96–101.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово : Изд-во КРИПКиПРО, 2006. 111 с.

Ковалевский С.А. К вопросу о происхождении ирменского предметного комплекса (по материалам погребально-поминальных памятников юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Вып. 4/1. С. 139–145.

Ковалевский С.А. Традиция трупобожжения в ирменской погребально-поминальной обрядности // Вестник Томского государственного университета. 2016. №409. С. 68–71.

Кореняко В.А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 64–70.

Костюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная принадлежность памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе : АктобГУ, 2005. С. 70–77.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 151–163.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 79–85.

Левченко Б.М., Левченко Н.Б., Гречко Д.С. Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье (по материалам раскопок 1984–1985 гг.) // Археологія і давня історія України. Київ : Інститут археології НАН України, 2015. В. 2. С. 202–218.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребения финальной бронзы некрополя Бестамак // Археология и история Сарыарки. Караганда : Изд-во КарГУ, 2012. С. 146–158.

Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы : Бегазы–Тасмола, 2013. С. 247–259.

Лукашов А.В. Новый памятник VIII–VII вв. до н.э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 157–161.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1979. 360 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во ИИФФИФ, 1988. С. 151–154.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 180 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V. С. 216–294.

Отрощенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев : Наукова думка, 1975. С. 193–206.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-ХVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 117–133.

Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 69–77.

Ромашко В.А. Памятники финальной бронзы – раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск : ДГУ, 1981. С. 85–87.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2015. 254 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 381 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Телегин Д.Я. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. Киев : Наукова думка, 1976. С. 5–21.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Ғылым, 1994. Вып. 2. С. 46–60.

Федорук А.С., Ковалевский С.А. Проблема взаимодействия населения юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Вестник КузБГТУ. 2006. №4. С. 156–158.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ғылым, 1994. 170 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Свод археологических источников. 1980. Вып. В1-24. 128 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М. : Пущинский научный центр, 1994. 170 с.

Шамшин А.Б. Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казенная Заимка в Барнауле // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1. С. 91–98.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1987. С. 27–38.

References

Agulnikov S.M. Nekotorye osobennosti pogrebalnogo obrjada belozerskoj kultury Severo-Zapadnogo Prichernomorja [Some Features of the Burial Rite of the Belozersk Culture of the North-Western Black Sea Region]. Indoeuropejskaja istorija v svete novyh issledovanij [Indo-European History in the Light of New Research]. М. : MGOU, 2010. Pp. 183–192.

Arslanova F.H. Pogrebalnyj kompleks VIII–VII vekov do n.e. iz Vostochnogo Kazahstana [The Funerary Complex of the 8th – 7th Centuries BC from East Kazakhstan]. V glub vekov [Back to the Ages]. Alma-Ata : Nauka KazSSR, 1974. Pp. 46–60.

Bobrov V.V., Mylnikova L.N., Mylnikov V.P. K voprosu ob irmenskoj kulture Kuzneckoj kotloviny [On the Issue of the Irmen Culture of the Kuznetsk Basin]. Aridnaja zona juga Zapadnoj Sibiri v epohu bronzy [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 4–34.

Bokij N.M., Gorbul G.P. Mogila kimmerijskogo vsadnika u sela Chechelievka Kirovogradskoj oblasti [The Grave of a Cimmerian Rider near the Village of Checheliyevka, Kirovograd Region]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1985. №4. Pp. 224–228.

Varfolomeev V.V. Pogrebenija kultury valikovoju keramiki v urochishhe Temirkash [Burials of the Culture of Roller Ceramics in the Temirkash Boundary]. Kadyrbaevskie chtenija : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Kadyrbaev Reading. Materials of the International Scientific Conference]. Aktobe : PrintA, 2007. Pp. 50–57.

Garustovich G.N. Pogrebenija perehodnogo perioda ot jepohi bronzy k rannemu zheleznomu veku v Bashkirskom Zaurale [Burials of the Transition Period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. Ufimskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Ufa, 2000. Vyp. 2. Pp. 123–128.

Gorbunov V.S., Obydenov M.F. Kurgannyj mogilnik epohi pozdnej bronzy v Juzhnoj Bashkirii [Mound Burial Ground of the Late Bronze Age in Southern Bashkiria]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet archaeology]. 1980. №3. Pp. 173–182.

Grushin S.P., Papin D.V., Pozdnjakova O.A., Tjurina E.A., Fedoruk A.S., Havrin S.V. Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij eneolita i bronzovogo veka [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Chalcolithic and Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 160 p.

Dvornichenko V.V. Pogrebenija predskifskogo vremeni na Nizhnej Volge [Burials of the Pre-Scythian Time on the Lower Volga]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 1982. Issue 170. Pp. 59–64.

Dvornichenko V.V. Pogrebenija s bronzovymi odnolezvijnymi nozhami v mogilnike Krivaja Luka-XXXIV [Burials with Bronze Single-Blade Knives in the Krivaya Luka Cemetery-XXXIV]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1984. Pp. 60–64.

Epimahov A.V. «Temnye veka» epohi bronzy Juzhnogo Zauralja [“Dark Ages” of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals]. *Rossijskaja arheologija* [Russian Archaeology]. 2010. №2. Pp. 39–50.

Ermolaeva A.S. Pamjatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaja [Monuments of the Foothill Zone of the Kazakh Altai]. *Almaty : Institut arheologii im A.H. Margulana KN MON RK*, 2012. 238 p.

Karabaspakova K.M. Zhetysu i Juzhnyj Kazahstan v epohu bronzy [Zhetysu and South Kazakhstan in the Bronze Age]. *Almaty : Begazy–Tasmola*, 2011. 220 p.

Kirjushin Ju.F., Tishkin A.A. Skifskaja epoha Gornogo Altaja. Ch. 1. Kultura naselenija v ranneskifskoe vremja [Scythian Era of Altai. Chapter 1. The Culture of the Population in the Early Scythian Time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p.

Kovalevskij S.A. Bronzovye bljahi iz irmenskih pogrebalnyh kompleksov Kuzneckoj kotloviny [Bronze Plaques from the Irmen Burial Complexes of the Kuznetsk Basin]. *Sohranenie i izuchenie kulturnogo nasledija Altaja. Vyp. XVI* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai. Issue XVI]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 96–101.

Kovalevskij S.A. Pogrebalno-pominalnye pamjatniki irmenskoj kultury na territorii Kuzneckoj kotloviny [Funeral and Memorial Sites of the Irmen Culture in the Territory of the Kuznetsk Basin]. *Kemerovo : Izd-vo KRIPKiPRO*, 2006. 111 p.

Kovalevskij S.A. K voprosu o proishozhdenii irmenskogo predmetnogo kompleksa (po materialam pogrebalno-pominalnyh pamjatnikov juga Zapadnoj Sibiri) [To the Question of the Origin of the Irmen Thing Complex (based on materials of the burial and memorial sites of the south of Western Siberia)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2010. Issue №4-1. Pp. 139–145.

Kovalevskij S.A. Tradicija trupoozhzhenija v irmenskoj pogrebalno-pominalnoj obrjadnosti [The Tradition of the Corpse-Burning in the Irmen Funeral and Memorial Ritualism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016. №409. Pp. 68–71.

Korenjako V.A. Pogrebenija predskifskogo vremeni na Vostochnom Manyche [Burials of the Pre-Scythian Time in East Manych]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 1982. Issue 170. Pp. 64–70.

Kostjukov V.P., Epimahov A.V. Hronologija i kulturnaja prinadlezhnost pamjatnikov finalnoj bronzy Juzhnogo Zauralja [Chronology and Cultural Identity of the Sites of the Final Bronze of the Southern Trans-Ural]. *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana* [Issues of Archaeology of Western Kazakhstan]. Issue 2. *Aktobe : AktjubGU*, 2005. Pp. 70–77.

Kostjukov V.P., Epimahov A.V., Nelin D.V. K voprosu o pamjatnikah Juzhnogo Zauralja jepohi finalnoj bronzy [On the Issue of the Sites of the Southern Trans-Ural of the Final Bronze Age]. *Novoe v arheologii Juzhnogo Urala* [New in Archaeology of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Rifej, 1996. Pp. 151–163.

Kungurov A.L., Papin D.V. Materialy finalnoj bronzy arheologicheskogo kompleksa Malyj Gonbinskij Kordon-1 [Materials of the Final Bronze of the Archaeological Complex Malyj Gonbinsky Cordon-1]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography.] 2001. Issue 3. Pp. 79–85.

Levchenko B.M., Levchenko N.B., Grechko D.S. Kurgany ranneskifskogo vremeni u s. Medvin v Poroze (po materialam raskopok 1984–1985 gg.) [The Mounds of the Early Scythian Time at the Medwin Vil-

lage in Poros (based on excavations 1984–1985)]. *Arheologija i davnja istorija Ukraini* [Archaeology and Long History of Ukraine]. Kiiiv, 2015. Issue 2. Pp. 202–218.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Pogrebenija finalnoj bronzy nekropolja Bestamak [Burials of the Final Bronze of the Bestamak Necropolis]. *Arheologija i istorija Saryarki* [Archeology and History of Saryarka]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 2012. Pp. 146–158.

Loman V.G. O kulturnyh tipah pamjatnikov finala epohi bronzy Kazahstana [On the Cultural Types of the Sites of the Finals of the Bronze Age of Kazakhstan]. *Begazy-dandybaevskaja kultura Stepnoj Evrazii* [Begazy-Dandybay Culture of the Steppe Eurasia]. Almaty : Begazy–Tasmola, 2013. Pp. 247–259.

Lukashov A.V. Novyj pamjatnik VIII–VII vv. do n.je. v Zavolzhe [New Site of the 8th – 7th Centuries BC in the Trans-Volga Region]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja* [The Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1984. Pp. 157–161.

Margulan A.H. Begazy-dandybaevskaja kultura Centralnogo Kazahstana [Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka KazSSR, 1979. 360 p.

Martynov A.I. Lesostepnaja tagarskaja kultura [Forest-steppe Tagar Culture]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 208 p.

Matveev A.V. Irmenskaja kultura v lesostepnom Priobye [Irmens Culture in the Forest-Steppe Priobye]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1993. 181 p.

Mogilnikov V.A. Epoha pozdnej bronzy Verhnego Priobja i problema proishozhdenija bolsherechenskoj kultury [The Late Bronze Age of the Upper Ob and the Problem of the Origin of the Bolsherechenskaya Culture]. *Hronologija i kulturnaja prinadlezhnost pamjatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Juzhnoj Sibiri* [Chronology and Cultural Identity of the Sites of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo IIFIF, 1988. Pp. 151–154.

Molodin V.I. Baraba v epohu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Vostochnyj variant pahomovskoj kultury v Centralnoj Barabe [Eastern Version of Pakhomov Culture in Central Baraba]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. 180 p.

Orazbaev A.M. Severnyj Kazahstan v epohu bronzy [Northern Kazakhstan in the Bronze Age]. *Trudy IIAE AN KazSSR* [Works of IHAE of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1958. T. V. Pp. 216–294.

Otroshhenko V.V. Novyj kurgannyj mogilnik belozerskogo vremeni [New Mound Burial Ground of Belozer Time]. *Skifskij mir* [Scythian world]. Kiev : Naukova dumka, 1975. Pp. 193–206.

Pogodin L.I., Polevodov A.V. Kompleks finalnoj bronzy mogilnika Borovjanka-XVII v Srednem Priirtyshhe [The Final Bronze Complex of the Borovyanka-XVII Burial Ground in the Middle Irtysh]. *Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij bronzovogo veka* [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 117–133.

Polevodov A.V. K karakteristike pogrebalnogo obrjada naselenija lesostepnogo Priirtyshja v epohu pozdnej bronzy – kanun rannego zheleznogo veka (po materialam kurgannogo mogilnika Borovjanka-XXVII) [To the Characteristic of the Burial Ritual of the Forest-Steppe Irtysh in the Late Bronze Age – the eve of the Early Iron Age (according to materials from the mound burial ground Borovyanka-XXVII)]. *Etnokulturnye processy v Verhnem Priobye i sopredelnyh regionah v konce epohi bronzy* [Ethnocultural Processes in the Upper Priobye and Adjacent Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Koncept, 2008. Pp. 69–77.

Romashko V.A. Pamjatniki finalnoj bronzy – rannego zheleznogo veka v materialah ekspedicii DGU [Sites of the Final Bronze – Early Iron Age in the Materials of the DSU Expedition]. *Stepnoe Podneprove v bronzovom i rannem zheleznom vekah* [Steppe Dnieper in the Bronze and Early Iron Ages]. Dnepropetrovsk : DGU, 1981. Pp. 85–87.

Sitnikov S.M. Kultura sargarinsko-alekseevskogo naselenija lesostepnogo i stepnogo Altaja [Culture of the Sargary-Alekseev Population of the Forest-steppe and Steppe Altai]. Barnaul : Izd-vo AltGPU, 2015. 254 p.

Smirnov K.F. Savromaty. Rannjaja istorija i kultura sarmatov [Savromaty. Early History and Culture of the Sarmatians]. M. : Nauka, 1964. 381 p.

Surazakov A.S., Tishkin A.A. Arheologicheskij kompleks Kyzыk-Telan-1 v Gornom Altae i rezultaty ego izuchenija [The Archaeological Complex Kyzыk-Telan-1 in the Altai Mountains and the Results of Its Study]. Barnaul : Azbuka, 2007. 232 p.

Telegin D.Ja. Ob osnovnyh pozicijah v položenii pogrebennyh pervobytnoj epohi Evropejskoj chasti SSSR [On the Main Positions of the Buried in the Primitive Era of the European Part of the USSR]. Eneolit i bronzovyj vek Ukrainy. Issledovanija i materialy [Eneolit and Bronze Age of Ukraine. Research and Materials]. Kiev : Naukova dumka, 1976. Pp. 5–21.

Tkachev A.A. Centralnyj Kazahstan v epohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Ch. 2. Tjumen : TjumGNGU, 2002. 243 p.

Usmanova E.R., Varfolomeev V.V. Ujtas-Ajdos – mogilnik epohi bronzy [Uytas Aydos – the Burial Ground of the Bronze Age]. Voprosy arheologii Kazahstana [Issues of Archaeology of Kazakhstan]. Almaty : Gylym, 1994. Issue. 2. Pp. 46–60.

Fedoruk A.S., Kovalevskij S.A. Problema vzaimodejstvija naselenija juga Zapadnoj Sibiri v jepohu pozdnej bronzy [The Problem of the Interaction of the Population of the South of Western Siberia in the Late Bronze Age]. Vestnik [Herald] KuzBGTU. 2006. №4. Pp. 156–158.

Habdulina M.K. Stepnoe Priishime v epohu rannego zheleza [Steppe Ishym in the Early Iron Age]. Almaty : Gylym, 1994. 170 p.

Halikov A.H. Prikazanskaja kultura [The Prikazanskaya Culture]. Svod arheologičeskikh istočnikov [Archaeological sources]. 1980. Issue VI–24. 128 p.

Chernikov S.S. Vostochnyj Kazahstan v epohu bronzy [East Kazakhstan in the Bronze Age]. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. 1960. №88. 272 p.

Chlenova N.L. Pamjatniki konca epohi bronzy v Zapadnoj Sibiri [Sites of the End of the Bronze Age in Western Siberia]. Moskva : Pushchinskij nauchnyj centr, 1994. 170 p.

Shamshin A.B. Kompleks epohi pozdnej bronzy s poselenija Kazennaja Zaimka v Barnaulė [Late Bronze Age Complex from the Kazennaja Zaimka Settlement in Barnaul]. Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2005. Issue 1. Pp. 91–98.

Shamshin A.B., Frolov Ja.V., Mednikova Je.M. Bobrovskij gruntovyj mogilnik [Bobrovsky Burial Ground]. Pogrebalnyj obrjad drevnih plemen Altaja [The Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 69–88.

Sharafutdinova E.S., Dubovskaja O.R. O dvuh gruppah pogrebenij predskifskogo vremeni v Severnom Prichernomore [About Two Groups of Burials of Pre-Scythian Time in the Northern Black Sea Region]. Problemy arheologičeskikh kultur stepej Evrazii [Problems of Archaeological Cultures of the Steppes of Eurasia]. Kemerovo : Izd-vo KemGU, 1987. Pp. 27–38.

V.G. Loman

Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

KARATUGAI – THE BURIAL GROUND OF THE FINAL BRONZE AGE

The article describes the materials of the Sargary-Alekseev burial ground Karatugai, located 90 km north of Karaganda (Central Kazakhstan). The accompanying inventory of the investigated funeral structures included ceramic vessels, metal decorations, and some bone tubules for the braid adornment. A ritual platform in the form of a stone ring was located on the northwestern periphery of the site, next to which a small cattle scapula, stone segment-like tools and a discoid stone pendant (?) were found. The author divides the funerary sites of the Sargary-Alekseev culture into the Begazy and Sargary types and relates the Karatugai burial ground to the latter. The materials of the burial ground find numerous analogies in the funerary sites of the Final Bronze Age and of the transition to the Early Iron Age throughout the territory of the steppe Eurasia, which is explained not only by epochal processes, but also by cultural interaction with the Irmen culture of southern Western Siberia. On the bones of the two burials, calibrated C¹⁴ dates were obtained, according to which the time of the site's existence dates back to the 11th–10th centuries BC.

Key words: Kazakhstan, the burial ground, Sargary-Alexeevskaya culture, Irmenskaya culture, the Final Bronze Age.